

Желиховская Вера Петровна

Князь-рыцарь

Вера Петровна Желиховская

Князь-рыцарь

Аннотация

«...Я помню много весёлых святок в моей молодости; помню ещё старые, деревенские святки, с «медведем и козой», с «гудочниками» и ворожеей-цыганкой; с бешеной ездой на тройках по снежным сугробам, с аккомпанементом колокольцев, бубенчиков, гармоний, балалаек, а под час и выстрелов ружейных, в встречу сопровождавших наш поезд из лесу волков, десяткам их прыгавших, светившихся ярко глаз. То были святки!..»

Вера Петровна Желиховская

Князь-рыцарь

Святки!.. Не кажется ли вам, что самое это слово, в наше время – анахронизм?.. Мне кажется, что оно совершенно утратило свой первобытный смысл и скоро станет нам, россиянам, совсем непонятным термином без всякого внутреннего значения. Разве есть у нас святки?.. Никаких! Особенно в столице. У нас есть зимние праздники. Время, по преимуществу, балов, визитов, выродившихся, опошлевших и всем надоевших маскарадов и расходов! Преимущественно расходов, по мелочам, на извозчиков, на швейцаров. Вот и всё!.. Даже и в захолустьях нет уже того, что бывало в прежние, сравнительно, ещё не старые времена. Где наши прежние весёлые гадания? Где вещие кольца, зёрна, кутьи и петухи – предсказатели свадеб?.. Где весёлые переодевания, шумные поездки ряженных из дома в дом, по знакомым? Где бывшие вторжения в семейные, тихие дома, со своим перекатным, заразительным весельем, с песнями, музыкой, пляской?.. Где наши прежние развесёлые, широкие, всероссийские святки?.. Нет их!.. «А святок уж нет и не будет уж вечно!»

Уж дети наши не верят рассказам о прежнем задумчивом, непритязательном веселье; внуки его совсем не поймут.

Куда нашей бедной нынешней молодёжи – переученой, пересыщенной, не успев пожить – отжившей, – постигнуть бывшее здоровое, самобытное умение веселиться наших отцов и матерей!

Пятьдесят лет тому назад ещё бывали святки по всей Руси. Лет тридцать тому назад ещё их знавали по деревням и кое-где в дальних провинциях. Ныне сомневаюсь, чтобы сохранилось такое счастливое захолустье, где девушка в семнадцать лет мечтала бы о святочном гадании, а юноша задумывал повеселиться в ватаге ряженных товарищей.

Я помню много весёлых святок в моей молодости; помню ещё старые, деревенские святки, с «медведем и козой», с «гудочниками» и ворожеей-цыганкой; с бешеной ездой на тройках по снежным сугробам, с аккомпанементом колокольцев, бубенчиков, гармоний, балалаек, а под час и выстрелов ружейных, в встречу сопровождавших наш поезд из лесу волков, десяткам их прыгавших, светившихся ярко глаз.

То были святки!.. Настоящие разгульные, русские святки, где все дома, все семьи, все классы принимали участие. Где «господа» не гнушались переряженной в тулупы навыворот, в бороды из пакли, горбы из подушек, и лица, вымазанные пробкой и сажей, своей прадедовской прислуги; где прислуга принимала радостное участие в затеях «молодых господ», в успехе их переодевания, в полночных их гаданиях. Где, наконец, находилось время и место и кадрили, и польке, и мазурке в светлой зале, под звуки фортепиано, а не то и настоящего оркестра, и залихватской камаринской с трепаком; и мистификациям ряженных вторжений и вопрошениям судьбы с призывами пред зеркалами, в тёмных банях, суженых на полночные угощения.

Не знавали мы в те, не мудрствовавшие лукаво, времена ни гипнотизмов, ни передачи мыслей, ни явлений спиритизма, ни предсказаний медиумов, ни чтения судьбы в «астральном свете»; никаких проявлений наших нынешних, многоиспытанных, без меры теребимых чудесами времён, но бывали и тогда, – как и во все века веков, – необыкновенные, загадочные происшествия...

Один такой весьма странный случай произошёл, именно, в разгар святочного веселья, лет пятьдесят тому назад.

В одной из губерний средней полосы России, под самым губернским городом, находилось богатое имение Белокольцево, помещиков того же прозвища. В ту пору семья была большая, молодёжи в ней, особенно барышень, было много, и все прехорошенькие. Только старшая была замужем за местным начальником губернии. Это обстоятельство прибавляло много значения семье, хотя и немного, по-видимому, доставляло счастья самой виновнице этого общественного отличия. Варвара Сергеевна, рождённая Белокольцева, была скромна и непритязательна и особой сласти в титуле «превосходительства» и в том, что жандармы ей в соборе и прочих народных сборищах дорогу очищали, не видела. Близкие, да, пожалуй, что и все в городе, знали, что был у неё в девицах роман с одним молодым человеком, замужем её матушкой, по бедности его и нечиновности, и все жалели молоденькую губернаторшу. Надо сказать, правду, что муж её тут был не при чём! Он был добрый человек, весьма представительный; очень любил свою хорошенькую супругу и, женившись в скорости по приезде на место, даже не знал, вероятно, её горя.

Знакомые Белокольцевых поговаривали, что и ещё затевает Аполлинария Антоновна свадьбу: вторую дочь свою, Сашеньку, прочит за председателя палаты Щегорина; но уж такой брак всему городу на соблазн был и на осуждение: Щегорин был уродливый, тучный шестидесятилетний селадон, уморивший двух жён и, к тому же, имевший, всем заведомо, большую семью с левой руки, где сыновья уж сами были женаты. Богатство его уж очень было соблазнительно для старухи Белокольцевой!.. Жадна была до денег и честолюбива чрез меру, – всё ей хотелось из дочек своих сановниц делать и богачек.

Кроме своих детей, в доме Белокольцевых жила родственница, Марья Леонидовна Карницына, когда-то женщина богатая, но разорённая неудачными спекуляциями мужа; покойный генерал Белокольцев приютил всю семью своего родственника и друга, с которым водил не только хлеб-соль во время его благосостояния, но и большие дела. Ходили слухи, что Белокольцевы не даром дали кров вдове и двоим детям Карницына; что по старым счетам генерал оставался много должен родственнику, и все были, вместе с Марьей Леонидовной, уверены, что в завещании генерала они забыты быть не могут; так как он разбогател после смерти Карницына, то легко мог уплатить вдове его долг, ему недоплаченный.

Белокольцев сам не скрывал, что имеет это намерение, но никакого распоряжения по этому делу не сделал, а потому хоть и не сладко по смерти его приходилось жить вдовы в чужом доме, но она терпела ради детей. Дочь её училась вместе с меньшими Белокольцевыми, когда отец их скончался, а сын только что поступил в университет и теперь был уже на последнем курсе.

Жил ещё с ними, в деревне, один юноша, родственник, родной племянник покойного генерала Сергея Фомича, Юрий Петрович Белокольцев или Юша, как его все называли; не столько по юности, как по немощи его: он совсем был юродивый. Не то, чтобы сумасшедший, он всё понимал и всех знал, как знают всё и всех пятилетние дети, не более. Тихий, услужливый, молчаливый, Юша никому не мешал, а к нему все относились жалостливо, как к больному, хотя, в сущности, он был рослый, здоровый парень, лет двадцати пяти.

Несмотря на жизнь в деревне, Белокольцевы вели очень рассеянную, шумную жизнь. Несколько вёрст расстояния препятствием к участию во всех городских увеселениях служить не могли; сами же они то и дело сзывали весь город на свои деревенские пиры, обставленные в ту пору всеми удобствами и всей доморощенной роскошью, и хлебосольством богатого барства, на основах непоколебимого крепостничества. Аполлинария Антоновна хотя была бой-баба, суровая в отношениях к семье и к прислуге, но любила весёлую, гостеприимную жизнь, была прекрасная хозяйка и с обществом, уже не говоря про власти, всегда умела прекрасно ладить.

Наоборот всему русскому царству, Белокольцевы зиму почти всегда жили в имении; лето же проводили в поездках за границу. Время между ноябрём и февралём проходило как в чаду, переполненное танцами, домашними спектаклями и всякими увеселениями. Святки ещё приносили с собой катания, костюмированные балы с русской и всякой пляской; гадания гуртом, со святочным пением «сенных девушек», с кутьёй и восколитием; и простые маскарады переряженных «неизвестных», – плебейские вторжения в барские покои деревенского и дворового элемента, почти так же невозбранно, как и соседей-помещиков.

Эти последние увеселения часто выходили самыми весёлыми, именно, потому, что в силу святочного закона о сохранении личностей ряженных в тайне, вносили новый интерес, принимавший порой занимательный характер загадочности. Сама Аполлинария Антоновна любила рассказывать, что, именно, в такой ряженой ватаге ей самой в молодости была предсказана и свадьба её, и многие семейные обстоятельства.

Но, именно, вследствие загадочного происшествия, случившегося в семье её в этот последний год, о котором идёт мой рассказ, – такие святочные забавы навсегда были из неё изгнаны.

Было это 27 декабря. Дом в Белокольцеве ломился от гостей. Кроме праздника общего, был день рождения и вместе именины её двух Вениаминов, – меньших сыновей, близнецов Феди и Стени, т. е. Степана. По случаю такого тройного празднества, этот день сначала считался, преимущественно, детским праздником; обыкновенно, на третий день Рождества у них бывала ёлка, но с годами, понятно, отличие это утратилось. Теперь героям дня было по шестнадцати лет. Ёлку давно бы отменили, если бы не привязанность и привычка к ней всей молодёжи, включая и её двадцатитрёхлетнее превосходительство.

– Всё равно! Надо как-нибудь проводить святки! Надо одаривать молодёжь, и прислугу, и своих, и чужих детей на праздник. Так уж пусть в этот день, по-старому, и ёлки, и ряженные и, как всегда, – дым коромыслом! – решила генеральша Белокольцева.

И созвала, кроме своих, ещё человек до ста гостей, из которых многие, издалека прибывшие с чадами и домочадцами, должны были и заночевать в её прадедовских деревенских палатах.

День прошёл ещё шумнее, чем другие. Какие бы кошки у кого на сердцах ни скребли, с виду все были довольны и веселы.

А что скребли у многих на сердцах лютые кошки – в том не могло быть и сомнения... Много в этом доме, под сурдинку, разыгрывалось драм и печалей.

Начать с семьи Карницыных. Как ни работала, часто спины не разгибая, бедная Марья Леонидовна, но с великим трудом концы с концами сводила, живя даже на всём готовом. А уж как ей это готовое теперь жутко приходилось при самовластном, чванном и не совсем-то справедливым нраве хозяйки дома, – и говорить нечего! Ну, да уж что было делать? Терпела она, порой лишь ночью своей подушке поверяя свои сиротские печали... Об одном мечтала: только бы сын её на ноги стал, только бы ему курс благополучно кончить, на службу пристроиться. Всего лишала себя, чтобы его содержать, и не плакалась бы, если бы не дочка её, шестнадцатилетняя Маня, которой зачастую ей до слёз бывало жалко. Дело в том, что живя в богатом доме, на правах барышни, во всём равной «дочерям дома», хорошенькой девочке, понятно, хотелось не отставать от подруг ни в выездах, ни в туалетах; а где ж было матери набраться средств одевать её наравне с богатыми девушками?..

В детстве Маня ничего не замечала, да к тому же при жизни Белокольцева и заметить нельзя было большой разницы, потому что генерал постоянно жене напоминал и сам заботился о своих крестниках, Мане и Леониде, старшем брате её. Тогда всем им жилось лучше! Теперь было не то!.. Во-первых, с годами возрастали потребности и желания, а позаботиться об их удовлетворении было некому... Аполлинария Антоновна часто о них забывала; а уж напомнить ей – не приведи Бог! Карницына скорее бы свой язык проглотила, чем заставить его попросить у неё что-либо для себя или детей...

– Не видит, не хочет, не сознаёт своей обязанности хоть этим малым вознаградить нас за потерю всего состояния, за неисполнение воли своего покойного мужа, – ну, и Бог ей судья! Унижаться пред ней мы не будем! – решила она.

Тем не менее, горько ей бывало за дочку, а самой девочке и того хуже. Не раз глаза себе наплакивала бедняжка, отказываясь от весёлых поездок в город, от вечеров и танцев, потому что не во что было одеться. Вот и к праздникам всем шили обновки, Сашеньке, Наташе, даже десятилетней Соне Белоколыцевым по три, по четыре нарядных платья; а ей мать едва одно собралась, шерстяное серенькое, сшить и приходилось им одним все праздники пробавляться дома, куда же тут о гостях думать!..

Заикнулась было Наташа матери, что «бедной Манечке надо было бы нарядное платье сшить», – что лучше бы мать ей так много не шила, а позаботилась о Мане, – так так ей за это досталось, чтобы не в своё дело не мешалась, что Наташа сама целый день проплакала. У семнадцатилетней Наташи и своё было горе, как у старших сестёр. Положим, мать не собиралась её ещё как Сашеньку, замуж «за старого уroda выдавать», – но попались ей письма Наташины, из которых узнала Аполлинурия Антоновна, что третья дочка её «с ума спятила»: вообразила, что влюблена в Леонида Карницына и собирается замуж выходить «за эту голь перекатную!» Ну, и досталось же Наташе!

Так крепко досталось, что мать успокоилась: вообразила, в свою очередь, что так хорошо напугала «глупую девчонку», что она об этом и думать забыла; да только нет, – хитрая и настойчивая девочка была Наташа Белоколыцева. Поплакать-то она поплакала, но студенту Карницыну и даже матери его тут же заявила:

– Мы оба молоды, – можем подождать. Леде будет через четыре года всего 25 лет, а мне совершеннолетие минет. Тогда я сама себе госпожа! За кого хочу – за того и выйду!..

– Полно, девочка, вздор городить! – возразила ей печально Марья Леонидовна. – Куда тебе с матерью бороться?.. Да и по правде, чем вы жить с Ледей станете?.. Не к той жизни ты привыкла, чтобы быть женой бедного чиновника!

– Мы и не будем совсем очень бедны: у нас у каждой по сто тысяч приданого. Разве это мало? Я как совершеннолетняя потребую выдела – и всё тут! – резонно решила Наташа.

Но от слов – за спиной матери, – до настойчивой борьбы с ней, в продолжении нескольких лет – далеко! Мать и сын это хорошо понимали. Потому-то Леонид Алексеевич и ходил в этот свой приезд на праздники к матери как в воду опущенный, молчаливый и сумрачный. Не будь её, – Наташи, в Белоколыцеве, студент ни за что бы не оставался в деревне и дня. Но ради её присутствия сдерживался и старался даже сохранить наружную весёлость, принимая участие во всех домашних затеях и увеселениях Аполлинурии Антоновны.

27 декабря громадная ёлка горела в столовой, вокруг неё готовился ужин; в другой зале танцевали свои и гости, в половину ряженные, и, то и дело, наезжавшие новые партии замаскированных. Огромный орган, рояль и доморощенный струнный оркестр, ещё существовавший в этом старом барском гнезде, чередовались непрерывно. В гостиных сидели почётные гости, старики и старушки; губернатор, начальник местных войск, председатели разных палат и прочие сановники играли в бостон во внутренних комнатах, подальше от шума. Один Щегорин не садился играть, предпочитая «любоваться молодёжью»; он страшно надоедал ей, злил бедную Сашеньку, а от других, особливо от бойкой Наташи, терпел всякие насмешки, стараясь их не замечать и приятно улыбаться. Женихом он ещё не был объявлен, но всё к тому шло, невзирая на слёзные протесты намеченной им невесты. Ещё в это самое утро ей крепко досталось за то, что она швырнула в форточку букет, присланный из оранжереи старого селадона.

В самый разгар пляса доложили, что приехало ещё трое саней с ряжеными. Музыкантам приказано было заиграть марш, двери в переднюю широко отворились, все высыпали встречать вновь прибывших, и они, пара за парой, вошли в залу...

Двоихъ только никто не признавалъ: капуцина и маркиза, въ такой чудной маскѣ, что она казалась открытымъ лицомъ.

Несмотря на маски и костюмы, разумеется, все эти турки, бояре, цыгане и паяцы, очень скоро были признаны за добрых, хотя и не очень близких знакомых, за городскую молодёжь; двоих только, вместе вошедших, никто не признавал: капуцина в коричневом капюшоне с бородой и чётками в руках и красивого осанкой маркиза, напудренного и в такой чудной маске, что она казалась открытым лицом. Все так и решили, что это живое, слегка подкрашенное лицо, только дивились глазам: они были блестящи и глубоки, но как-то жутко неподвижны; словно смотрели, не видя или были сосредоточены на какой-либо упорной мысли, не замечая ничего внешнего...

Никто положительно не знал этого горделивого, без страстного с виду и недоступного красавца, костюмированного *petit maître*’ом времён Екатерины II. Решили, что это какой-нибудь проезжий, увлечённый знакомыми в весёлую святочную поездку.

Вначале на него обратилось общее внимание, но он так упорно молчал, был так странно, не по времени и не по месту, холоден и неподвижен, что всем вблизи от него становилось жутко до страха, и все перестали с ним заговаривать...

Зато товарищ его, капуцин, очень скоро привлёк всеобщее внимание. Он выказывал замечательное знание способностей, тайн, даже помыслов всех его окружавших. Он сделал несколько таких удачных замечаний, два-три предсказания присутствовавшим, до того метко их касавшихся, что громкие возгласы слышавших их привлекли целую толпу. Многие бросили танцы и ходили, заинтересованные странными незнакомцами, из комнаты в комнату, вслед за ними, слушая их, делая предположения, стараясь узнать капуцина по голосу, – но и голос его положительно был незнаком никому.

Оба оказывались совершенно никому неизвестными.

Тем лучше!.. Молодёжь была в восторге. Слушала, дивясь, капуцина, любовалась молчаливым маркизом и, наконец, увлекла их из пределов молодого царства в покои, где находились пожилые гости.

Подростки, свои и чужие, бежали впереди и, как водится, шумели больше всех. Соня Белоколыцева, завидев мать, беседовавшую с сановными, не игравшими в карты, гостями, закричала ей издали:

– Мапочка! Мапочка!.. Послушайте монаха! Какой у нас интересный монах!.. Такой умный! Всё знает!

– Мне сказал, что я буду моряком как дядя, – кричал Стеня.

– А мне предсказал, что я могу быть хорошим живописцем, если не стану лениться! Сам узнал, что я рисовать люблю! – передал Федя.

– А Наташе сказал: будьте твёрды! Не изменяйте тому, кого любите, и будете счастливы! – прервала меньшая сестра.

Аполлинария Антоновна сдвинула брови.

– Не очень же мудр ваш монах, чтобы такие советы детям подавать!

– А что ж! – отозвалась Наташа, задетая за живое, – он и Сашеньке добрый совет дал! Он сказал: «Будьте самостоятельной!.. Пожалейте себя, если другие вас не жалеют!..» Отлично сказал!

– Он ещё ей предсказал, что она в будущем году выйдет замуж за кого-то незнакомого теперь, – прибавила Соня.

И все наперерыв начали докладывать другие речи мудрого капуцина, отнюдь не нравившиеся хозяйке дома.

Она посмотрела украдкой на Щегорина, шутившегося на молодёжь и улыбавшегося приторной улыбкой, будто ничего неприятного не слышал, и перевела сердитый взор на приближавшихся капуцина и маркиза. Но вдруг глаза её встретились со взглядом последнего, и она вздрогнула. Холод мурашками прошёл по спине её. Она сама не знала, что, именно, поразило её в этом взгляде, в этом, будто, знакомом, неподвижном лице, но с нею что-то положительно творилось особое... Совсем непривычная растерянность, даже робость овладели ею. Она не знала, что ей сказать, куда деваться от этих глаз.

– Прекрасные костюмы! Очень интересные маски! – проговорил Щегорин одобрительно, но в ту же секунду осёкся и умолк, как обожжённый.

Капуцин очень ласково ему заметил:

– Зачем ты здесь скучаешь, старичок?.. Сидел бы лучше да поминал старину со своими сверстниками – дедушками да бабушками.

И, покачав укоризненно головой, в общем неловком молчании, наступившем после взрыва худо-сдержанного смеха между молодёжью, прибавил, изменив ласковый голос на суровый.

– Стыдись, старик! Чего кичишься богатством, да ещё не своим? Двух жён уморил, – третью хочешь взять, чтобы в гроб уложить?.. Сам бы лучше о часе смертном помыслил, о душе своей подумал!.. Когда опомнишься? Когда перестанешь родного сына обирать, пользоваться его добротой?..

За его уважение сыновнее, тобой не заслуженное, ты его разорешь?.. Его материнским богатством пыль глупым людям в глаза пускаешь, корыстных баб обманываешь?.. Ещё раз – стыдись! И спеши покаяться. Тебе под семьдесят, – смерть не за горами.

Трудно передать впечатление этого сурового наставления. Смех замер; даже на лицах молодёжи было недоумение. У Щегорина лицо позеленело, и нижняя челюсть тряслась в его напрасных попытках засмеяться или что-нибудь ответить. Велико было общее поражение, но сильнее всего преобладало в обществе удивление необъяснимому молчанию хозяйки дома, позволявшей так оскорблять в своём доме избранного ею жениха своей дочери. Все смотрели на неё в недоумении, некоторые в страхе, ожидая, что будет.

А Белокольцева стояла неподвижно и молча, будто под влиянием какого-нибудь наваждения, так что её можно было принять за окаменелую, если бы не глаза её, беспокойно бегавшие во все стороны, чтобы не встречаться с пристально устремлённым на неё взором молчаливого спутника словоохотливого капуцина...

Вдруг последний обернулся, ища кого-то глазами в толпе, их окружавшей, и поманил Леонида Карницына издалека. Тот подошёл смущённый.

– Вот хороший молодой человек! – сказал капуцин и положил руку на плечо студента. – Трудолюбивый, честный!.. Прекрасный жених для любой девушки... Тем более, что, ведь, он только теперь несостоятелен, а скоро, очень скоро получит наследство своего отца...

Капуцин перевёл взгляд на заметно бледневшую хозяйку дома и с особенным значением договорил:

– Он сам не знает, да, вероятно, не знаете и вы, что в той письменной шкатулке, которую покойный Сергей Фомич Белокольцев передал его матери перед смертью, заключается часть достояния, потерянного его отцом... Да! Да, молодой человек!.. Поищите в ней! Скажите матушке, осмотрите сегодня же с нею шкатулку – и в ней найдёте своё благосостояние, в потайном ящике.

– О, Господи!.. Да что ж это?.. Неужели вправду?!

Все повернулись по направлению, откуда раздался этот возглас. Там Марья Леонидовна, схватившись рукою за стул, чтобы не упасть, другою закрыла глаза, ослеплённые мгновенной надеждой.

Вмиг Наташа уже стояла, обнимая её и шепча:

– Пойдём! Пойдём, голубушка, посмотрим!.. Откуда ж знать ему, что папа дал Леониду шкатулку? Если он это знает, значит всё знает!

А между тем, капуцин, склонившись к уху Аполлинарии Антоновны, прошептал ей внушительно:

– Письмо имело дубликат, а при нём вексель... Пора, пора покаяться!.. Помни и ты час смертный!

Кто стоял близко, те слышали эти странные слова и ужаснулись перемене лица Белокольцевой. Ни одного слова не возразила она капуцину, а вся помертвев, опустилась на стул и закрыла лицо руками, поникнув головой.

Все внутренне волновались ужасно, но, вместе с тем, какой-то необъяснимый гнёт лежал на всех. Будто чьё-то холодное веяние оледенило всё общество; даже дети и молодёжь присмирели, в недоумении глядя на странную пару «ряженных».

Молчавший всё время высокий красавец с окаменелым лицом, наконец, отвёл глаза от хозяйки дома, медленно повернулся и пошёл, увлекая за собой и капуцина. Большинство последовало за ними, а с оставшихся возле хозяйки будто разом снялось онемение. Все заговорили: «Кто такие? Что за странные, дерзкие люди? И откуда набрались они смелости смутить всё общество! Напугать «дорогую Аполлинарию Антоновну» какими-то глупыми речами!.. Надо узнать! Надо просто заставить этого капуцина снять маску. Потребовать от него объяснения, извинений!..»

Пока вокруг ещё не пришедшей в себя Белокольцевой суеились почётные гости, на другом конце залы раздались крики, суета ещё большая, и все туда бросились, не исключая самой генеральши, дрожащей и бледной.

Там, среди расступившейся в страхе детворы и молодёжи, распростёртый на полу лежал капуцин, покинутый своим товарищем... Что случилось? Почему ему сделалось дурно? Куда девался «маркиз»?.. Никто ничего не понимал и рассказать не мог, хотя все говорили разом.

Они шли вместе, потом «маркиз» оставил «капуцина», которого со всех сторон задерживали расспросами, и один пошёл вперёд... Но только что толпа их разделила, и маркиз вышел, – кажется, вышел, – куда? кажется, в переднюю... Одним словом, едва его не стало с ним рядом, капуцин зашатался, и прежде, чем успели его поддержать, упал на пол и лежал, очевидно, без чувств...

– Так скорее же сымите с него маску! Дайте воды! – наконец, нашлись некоторые. – Воды!.. Одеколону!.. Спирту, скорее!

«Ага! Вот теперь-то мы узнаем, кто этот штукарь!» – в то же время, порадовались многие, бросаясь разоблачать интересного всезнайку, красноречивого обличителя и оракула.

Впереди всех была Аполлинария Антоновна. Робости теперь в ней не было и следа! Она пригнулась к бедному, беспомощно лежавшему капуцину; своими руками отбросила с головы его капюшон, сорвала седую бороду, сдёрнула маску... и отступила, вместе с другими, не веря своим глазам.

Перед ней было бледное, кроткое лицо Юрия Белокольцева, её безобидного идиота-племянника...

– Юша!.. Юша Белокольцев?.. – со всех сторон раздались изумлённые и разочарованные возгласы. – Вот уж не ожидали!

– Да откуда же набрался он смелости? Откуда вдруг заговорил так уверенно?.. Откуда знал?

– Юрий?.. Может ли быть?.. Да, ведь, он говорил совсем другим, не своим голосом! Что ж это за чудо?

«Что за чудо? именно!.. Откуда этот юродивый мог узнать о письме?.. И... и неужели он сказал правду о шкатулке мужа?.. – размышляла, стоя над бесчувственным юношей, генеральша и вдруг вздрогнула, вспомнив. – А где же тот?!. Куда тот девался?!»

«Того» не было нигде... Как ни искали маркиза, как ни спрашивали о нём людей, кучеров: никто не видал никакого ряженого, никто о нём ничего не знал...

Маркиза словно не бывало, словно он растаял или испарился.

«Капуцина», между тем, отпаивали, наливали ему на голову разные уксусы, привели, наконец, в себя. Первым делом его было, вернувшись к сознанию, сесть, окинуть всех недоумелым взглядом и спросить, болезненно глупо улыбаясь:

– Как же это я здесь заснул?.. Я, ведь, лёг там, у себя, наверху!.. Кто ж это меня сюда... прив... положил?

Он встал, осмотрел себя с удивлением и, видимо, ничего не понимал: ни в своём наряде, ни в том, что лежал на полу, в зале, полной гостей. Сколько его не спрашивали, он ничего не мог сказать, ничего не помнил, кроме того, что когда в его комнатку, под крышей, прибежали «мальчики со своими гостями», принесли вороха разных костюмов и стали переодеваться, объяснив ему, что «нарочно, по секрету, забрались к нему», – чтобы никто не знал, что они «наряжаются», – он видел «эту монашескую рясу» и подумал, что «нарядится в неё после, – если никто её не возьмёт» ...

– Ну, а после что было? – приставали к нему.

– После?.. После мальчики ушли, а я... я на постели лежал... и, кажется, уснул...

– А как же ты здесь-то очутился?.. Зачем говорил разные разности?.. Нам всем и маме? – допрашивали дети.

– Маме?! Тётушке?! – очевидно испугался юродивый. – Не знаю!.. Я ничего, право, ничего не говорил!

Больше от «красноречивого капуцина» толку не добились.

Генеральша Белокольцева первая отошла от него, полная тяжких забот.

Те глаза её преследовали!.. Она знала их. Она знала всё лицо и всего человека той загадочной «маски» !.. Она всё больше в том убеждалась, и убеждение это леденило ей сердце: эта исчезнувшая бесследно маска была олицетворением князя Однорукова, – «князя-рыцаря», как был прозван, в преданиях их семьи, этот рано умерший красавец, отец её отца!.. В таком придворном костюме конца XVIII века он был изображён на полотне и ныне существовавшем в галерее их семейных портретов, находившейся в родовом имении её родичей, князей Одноруких. Она с детства знала, с детства боялась этих спокойных, гордых, как сталь холодных глаз «деда-красавца», деда, не даром оставившего по себе память гордого, «в чести непреклонного, князя-рыцаря» ... Так говаривали ей в детстве все родные и её отец, пристыжая и убеждая, что нечего ей бояться прямого, пристально в душу глядевшего даже с портрета, взора отца его.

И вот теперь, в старости, она увидела этот взор наяву!

«Это он! Он научил этого нищего духом, этого блаженного Юшу! Он упрекал меня и приказывал каяться!»

Об этом всю ночь пробредила и промучилась Аполлинария Антоновна Белоколыцева. Наутро она встала словно на десять лет состарившись, и сама никому не сказавшись, направилась в комнату Карницыных. Одного взгляда на Марию Леонидовну, детей её и на счастливое лицо её Наташи, было достаточно, чтобы убедиться в истине открытого им вчера: покойный муж её, скончавшись внезапно, не успел составить духовной, но успел передать свою шкатулку в подарок сыну своего друга и партнёра в делах. Карницыны думали, что это просто подарок на память, – умерший не имел сил им сказать, что писал отсутствовавшей жене о своём долге им; что в шкатулке есть потайной ящик, а в ящике вексель его на 50 тысяч и дубликат его письма...

Капуцин сказал святую истину. Он обеспечил Карницыных от нужды, а Белоколыцеву спас от тяжких грехов. В том же году обе дочери её вышли замуж: Наташа за Леонида, а Сашенька за Щегорина же, да только за молодого, – не за отца, а за его богатого сына.